

К 250-летию Махтумкули

АВТОГРАФ АЗАДИ

Еще в начале текущего века замечательный русский ученый, первый туркменовед Александр Николаевич Самойлович говорил о высокой культуре отца Махтумкули. Судил он так по стихам «старого моллы», и сам осуществил первое, прекрасное издание отрывков из его поэмы «Вагзе азад» и части лирики. Надо ли говорить о глубине понимания и горячей любви к автору, выраженных А. Н. Самойловичем в изданных текстах!

Полное подтверждение этого мнения нам дает рукопись, хранящаяся в рукописном фонде Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменистана под шифром 546 Э. Привез ее из Ирана член-корреспондент АН СССР К. М. Кулиев, введенная же в научный оборот она лишь в 1961 году.

Основным текстом этого весьма объемистого фолианта, составленного из восточной бумаги, заключенного в твердый переплет, обтянутой кожей, является религиозно-юридический трактат «Мухтасер» на арабском языке, а также суфийское сочинение Омара ибн-Несефи — автора XII века. В рукописи встречаются две даты: первая — в конце сочинения Омара ибн-Несефи — 1120 год хиджры — примерно 1708—1709 годы, вторая дата следует за текстом «Мухтасера» — 28 зульхаджджи, среда 1159 г. — примерно 11 января 1747 года.

Первая из приведенных дат может относиться ко времени переписки того списка сочинения Несефи, с которого она и списана; вторая дата — с указанием дня недели, числа, месяца и года — безусловно относится к окончанию переписки текста «Мухтасера».

Наличие даты в рукописи — большая ценность. Имя переписчика в рукописи — еще большая. В конце «Мухтасера» встречаем следующую запись на арабском языке: «Писец — раб, бедный, ячточный, вызывающий ко всепрощающему и выводящему на верный путь Довлет Мухаммед сын ал-Махтумкули, да простит аллах грехи его и прикроет проступки его — во имя совершенств и щедрот твоих, о всемогущественный из милосердных». Другими словами, эта рукопись выполнена отцом Махтумкули. Перед нами автограф почтенного старого поэта.

Оба религиозных текста переписаны в основном черными (заголовки пунктов — красными) чернилами весьма выдержанным, красивым наском, каким обычно переписывались тексты на арабском языке. Судя по приведенной концовке с именем переписчика, Азади переписывал арабский текст не механически, без понимания, как это обычно делали профессиональные каллиграфы, часто неграмотные и не умевшие оценить содержание копируемого произведения. Даже этих сведений было бы достаточно, чтобы сказать о высокой степени культуры и образованности как Довлет-Мамеда моллы (так почитительно величают его академика А. Н. Самойловича), так и его сына. Но рукопись содержит большое количество разнообразней-

ших текстов на арабском, персидском и тюркских языках.

Записи эти сделаны рукою вполне грамотного, владеющего пером человека, но почерк здесь скорописный, тексты заносились для себя. Если принять во внимание дороговизну бумаги, а также благоговейное отношение Махтумкули к отцу, то можно понять, почему эта рукопись так бережно хранилась и пополнялась.

Среди тюркоязычных записей обращает на себя внимание стихотворение Кул-Сулеймана, наставника Ходжи Ахмеда Ясави. Вот отрывок в посильном подстрочном переводе:

Ныне человек своими
занятиями сделал ложь,
Разум и память, свет очей
своих он отдает
в обмен за богатство...
Тираны рады,
а угнетенные лишены
покоя...
Мусульманам связывают
руки,
Плетьми клеймят
их благородное тело.
Видя это, плачут их дети.
Гнет тиранов возрос
ради тирании...
От клеветы доносчиков
сам спаси,
милосердный,
Доносчики ходят среди
народа ради клеветы.

Если вспомнить дату переписки рукописи — 1747, т. е. год убийства Надир-шаха, то стихи суфия XII в. Кул-Сулеймана занесены в рукопись не случайно, они звучат злободневно. На среднеазиатско-тюркском языке записано и четверостишие поэта-предшественника (или современника?) Махтумкули — Ашыки, в котором автор радуется за воспитанность, этот главный источник блаженства.

Среди записей стихов, сделанных на полях и между строк, встречаются отрывки из произведений Саади, и заголовки к ним дышат большим уважением к величайшему поэту XIII века — «Шейх Саади изволил». Вот перевод примечательного четверостишия из 12-го расказа «Гулистана»:

Я видел тирана,
спящего в полдень.
И сказал я: это —
смутян, и хорошо,
что он спит.
Тот, кто спящим становится
лучше, чем бодрствующим,
Еще лучше станет
мертвым, чем живым.

И эти стихи по своей направленности против тирана примыкают к стихам Кул-Сулеймана.

На персидском языке в прозе приведен отрывок, озаглавленный «Из слов Платона». Вот его перевод:

«Спокойствие мира не устойчиво, как молния, и страдания его — словно темнота тучи — не вечны. Не стоит ни предаваться его благам, ни страшиться его трудностей». Видимо, в семействе Азади Платона читали в персидском переводе, и отрывок этот выписан, как и все отрывки в рукописи, как нужный, интересный.

Целый ряд четверостиший на персидском языке озаглавлен по-арабски «Ля адри» — «Не знаю». Видимо, при записи автор был неизвестен. Скорее же всего, эти четверостишия относятся к персидскому фольклору, и самый факт записи данных произведений говорит о глу-

боком интересе в семье поэтов к творчеству народа, с которым как Азади, так и Махтумкули жили в соседстве и живом общении. Вот одно четверостишие, озаглавленное «Не знаю»:

Не строгий, подобно тише
(топорика), только к себе,
Не строгий, подобно
рубанку, лишь от себя.
В науке жизни будь
подобен пиле,
То к себе тяни,

то отталкивай от себя.
Кроме этих стихотворных записей, рукопись 546 Э содержит тексты юридического содержания. Они записаны на отдельных листочках, — тексты на арабском языке, часто переведенные на туркменский язык.

Есть в рассматриваемой рукописи текст и филологического содержания. И здесь оригинал на арабском языке, видимо, восходит к сочинению знаменитого филолога из Хорезма Замахшари, высокого авторитета в арабской грамматической системе, — «Мукаддима ал-адаб». Сочинение это хранится в Ленинграде и в Стамбуле. Каким списком его располагали в семье Азади, сказать трудно. Примечательно другое: к отдельным словам даются глоссы — частичный перевод часто на персидский язык, изредка на туркменский язык. И среди них — «кызыл газ» — «красный гусь», т. е. фламинго, обитатель мест, где могли бывать Азади и Махтумкули.

Член-корреспондент АН СССР К. М. Кулиев, с большим трудом получивший эту ценнейшую рукопись у потомка Махтумкули — Атаишана, слышал от последнего, что скорописные записи на полях и между строк основного текста сделаны рукою Махтумкули. Не верить этому мы не имеем оснований. Жаль, конечно, что великий сын Азади нигде не вписал своего имени. Но в записях этих видна такая безупречная грамотность в начертании арабских и персидских слов, а почерк так похож на торжественный нахс Довлет-Мамеда моллы, что мы можем согласиться с мнением К. М. Кулиева.

Как бы то ни было, рукопись 546 Э, которой обладает наш рукописный фонд, — чрезвычайно ценный источник для изучения творчества, крута чтения и духовных интересов замечательной семьи Азади и его сына.

Эти вклеенные листочки с юридическими записями, этот отрывок из сочинения Замахшари, эти стихи — то закрепленные за корифеями поэзии, то озаглавленные «Ля адри» — почти всегда перекликаются со стихами отца и сына. Говорят они и о том, что в семье поэтов совершенно свободно читали, писали и говорили на сладостном языке Саади и на могучем языке Абу Нуваса. И прав был академик А. Н. Самойлович, когда говорил, что никого из туркменских поэтов он не может поставить по культуре на одну высоту с Довлет-Мамедом моллой.

З. МУХАМЕДОВА,
заслуженный деятель
науки ТССР, доктор
филологических наук,
член-корреспондент
Академии наук ТССР.